

Евгений Ключников

**СОБОЛЕВО.
КНИГА ПЕРВАЯ**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
К52

Ключников Е.

К52 Соболево. Книга первая. / Евгений Ключников – М.: Литнет, 2025. – 282 с.

ISBN 978-5-521-94307-4

Где проходит грань между истиной и безумием? Соболево – деревня, которую ты не найдёшь на карте. Её обитатели живут под властью таинственного Владыки. Капитан Ксения Соболева думает, что всё это игра, спектакль, который позволяет ей удерживать власть и авторитет. Но её отец, бывший служитель, знает горькую правду – вера здесь убивает, а цена иллюзий слишком велика. Однажды в деревне появляется таинственный юноша, и мир Ксении рушится. Теперь ей предстоит выбор: смотреть на мир сквозь удобные иллюзии или рискнуть и принять страшную реальность. Что она выберет – и какой будет цена правды?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94307-4

© Литнет, 2025
© Е. Ключников, 2025

Пролог

Семь лет назад

– Послушай, эта деревня не всегда была такой. Когда-то давно она даже имела своё собственное место на карте. Это теперь её на карте не найти. Теперь она то там, то здесь... Там, где в данный момент Он пожелает. Там, куда Его воля тянется скрюченным, острым пальцем. Одним из этих пальцев станешь ты. Я знаю, ты не веришь моим словам, ты думаешь, что это просто мистификация, но послушай меня, ведь я – твой отец, и твои будущие мучения будут на моей совести, если я не отговорю тебя сейчас. Ты не обязана делать этого. Ты же понимаешь, что ты можешь отказаться?

– Ой, пап, – прорычала Ксения, – Не начинай. Ладно? Ну хоть сегодня!

– Сегодня – лучший день, чтобы начать. И ведь уже в который раз? Ты что, думаешь, я просто так тебя пытаюсь отговорить? Я был там, я сам служил Ему, и еле выбрался оттуда. Еле... Откажись от этой затеи, я тебя умоляю! Останься здесь, со мной. Будем вместе держать Нору!.. А потом, может, и выбраться получится.

– Хочешь, чтобы я каждый день, до конца своей жизни, убирала рвоту за твоими алкашами? Ну спасибо, пап! – она сверкнула глазами, – Нет уж! Хватит. Я тебя совсем не понимаю. Любой другой, – она прыснула ладонью в сторону окна, за которым виднелись деревенские дома, – был бы счастлив, если бы его дочь или сына пригласили служить в Орден. А ты чего?

Егор Викторович тяжело, надрывисто вздохнул, наблюдая за тем, как его дочь собирает вещи. Сожаление о том, что она девочка, а не мальчишка, заняло его голову. Он знал, что можно сделать с пацаном в такой ситуации – можно просто заставить его подчиняться силой, авторитетом или просто задавить логикой, но вот женщины, с их абстрактным мышлением и эмоциональным вос-

приятием его логике не поддаются, да и леща всыпать дочери он никогда себе не позволит. И вот она бегает по комнате, собирает свои вещи, а он не знает, как её остановить.

– У меня там будущее! – поменяв злость на ласку, начала Ксения.

– Какое там может быть будущее, Ксюш? Ты вообще знаешь, чем там люди занимаются? Я же вижу, как ты смотришь на ребят в форме! Тебя так туда из-за них тянет, да? Просто скажи, это я пойму, это для меня просто. Против природы не попрёшь. Но... – он на несколько мгновений замолчал, сдерживая злобу, – Пойми. Пойми пожалуйста! Это не театр какой-нибудь, где можно играть свою роль хорошо и за это все будут тебя любить.

Ксения на миг остановилась, растерянно посмотрев на отца. Егору показалось, что его дочь действительно верит в то, что всё происходящее в деревне – просто представление. Затянувшаяся шутка одного умелого артиста, благодаря которой он взял под контроль всю деревню и отказался останавливаться на этом. Осознав наивную веру дочери, он расстроился ещё больше, спрятав лицо в ладони. Дочь фыркнула и продолжила собираться.

– В деревне все уважают тех, кто носит их форму, которую когда-то, между прочим, носил и ты. Тебя до сих пор за неё и уважают, хоть ты и изгой.

Егор показал лицо из-за ладони, подняв брови. Ксения встретилась с ним взглядом и поняла, что сказала лишнего, чем задела отца за живое.

– Меня уважают не за мундир, доченька. Как вообще кого-то можно уважать за то, что он носит? Ты головой-то думаешь хоть иногда, девчонка? Меня уважают за то, что я из себя представляю, как себя веду и чем занимаюсь, а не за то, что я когда-то носил мундир Наблюдателя, – всё это вырвалось у него на повышенных тонах, и Ксения, не успев дослушать и половины, закатила глаза и отвернулась, застегивая чемодан.

– Ну давай, наори ещё на меня перед переездом, самое вре-

мя! – прошипела Ксения, нажимая на спрятанную глубоко в подсознании отца кнопку с надписью «чувство вины».

Отец вздохнул, сложил руки на груди и пробубнил в ответ:

– Виноватить будешь своих молокососов безмозглых, на меня такое не действует. Я ору потому, что порой мне кажется, что и ты от них не так далеко ушла. И возраст тебе мешает меня послушать. Была б ты парнем, я б тебе уже задницу надрал!.. – он показал дочери кулак.

– А что слушать? Давай послушаю, – вызывающе сказала Ксения, уселась на кресло и, подражая отцу, сложила руки на груди.

– Послушай, послушай. Тебе же дед не говорил, чем тебе придется там заниматься? А если и говорил, то не правду. Или ты согласилась, что за его идеи ты готова убивать? О-о-о, – прорычал он, заметив реакцию дочери – её глаза округлились – и продолжил, – что, разве нет? За своих мальчишек в форме ты готова убивать? Людей свинцом шпиговать-дырывать готова? За тряпку эту, которую ты формой называешь?!

Егору показалось, что он ударил по нужной струне, когда глаза Ксении от удивления раскрылись шире обычного. Тогда он, уцепившись за эту ниточку, начал тянуть её изо всех сил.

– Что такое? Не говорил? Так я тебе скажу. Я поэтому свой мундир и снял, что надоело с руками по локоть в крови ходить.

– Тебя за бунт звания лишили, – вставила она.

– Бунт начался с того, что я отказался снова топить людей заживо!.. Я всё время пытаюсь тебе объяснить, но ты не слушаешь меня, как будто я тут сказки сочиняю. Это не игра, понимаешь? Не фикция, не... Как ты там говоришь?

– Мистификация, – пробубнила под нос Ксения.

– Не мистификация! Всё устроено так, что когда ты спустишься вниз, назад дороги уже не будет!.. Ты можешь не верить сейчас и отрицать то, что на самом деле здесь делается, но когда ты спустишься, Ксюш, ты всё осознаешь! Только будет уже поздно!.. Понимаешь? Поздно! Всё!

Ксения как будто в лице переменялась. На миг Егору показалось, что у него получилось. У него наконец получилось её переубедить! Но потом, в одно мгновение, она не смогла сдержать улыбку и высунула кончик языка сквозь губы. Егор махнул рукой, рыча что-то на русском матерном и отвернулся, уставившись на рамку с фотографиями из прошлых лет. Там, на одной из них, он, как всегда, обнаружил свою жену, стоящую с ним в обнимку. На руках у него Ксюшка, ещё совсем маленькая, только-только полгода исполнилось. Ещё не ходит, не говорит, и не принимает глупых решений. Сейчас ей почти восемнадцать. Пойди, объясни ей что-нибудь. Всё без толку.

— Была бы ты здесь, с нами, — подумал Егор, — Ты бы всё объяснила. Да и не пришлось бы. Глядя на тебя, она поняла бы всё сама. Нас бы уже и не было здесь.

Егор вдруг почувствовал, как руки дочери обвивают его туловище. Ксения прижалась к его спине всем телом, тяжело вздохнула и стала ждать, пока отец оттаит.

— Вон, посмотри на нее, — мысленно сказал он фотографии жены, — манипуляция на манипуляции. Как так выходит, что использует она их так часто, но не может сообразить, что сама же является жертвой другого манипулятора?..

Егор повернулся, взял дочь за плечи и посмотрел ей в глаза.

— Спасибо, пап, что обо мне заботаешься. Но я хочу вырасти. Я хочу увидеть что-то кроме Лисьей Норы, Соболево и леса вокруг. Дед дал слово, что служба будет простой, и продвижение по службе будет быстрым. Мне точно никого не придётся убивать. Точно.

— Ложь, — сказал Егор Викторович, поцеловав дочь в макушку, и ушёл.

Вечером Ксения уже обживала свое новое жилище. Им стала комната в подземном комплексе катакомб, похожая на монашескую

келью. Так глубоко, что ей теперь казалось, что она где-то за пределами деревни, возможно под озером на южной окраине или даже под лесом, окружающим деревню со всех сторон. В углу, в нише с воздуховодом, тихо потрескивали дрова – это был единственный способ обогреть комнату.

– Наверное поэтому от них постоянно несёт кострами, – пробормотала Ксения, нюхая свою одежду, – Ничего, немного потерпеть можно. Дед сказал, что через недельку-другую к ней в келью заведут общее отопление от котельной. Да? – она посмотрела в зеркало, стоящее на столе и сама же себе ответила, – Да.

Ей было непривычно и тесно в «ящике» под землей. Здесь не было окон, и из-за этого она чувствовала себя неуютно и даже жутко, и поэтому не могла понять, из-за чего по её телу то и дело бегают мурашки – из-за страха или из-за холода.

Взгляд её с зеркала скользнул вниз, на стол, затем правее, за подсвечник и к самому краю. Туда, где лежал пистолет в кобуре. Она положила блузку, которую до сих пор держала в руках, назад, в чемодан, и медленно подошла к столу.

– Зачем мне оружие? – вспомнила она вопрос, который задавала оружейнику.

– Обычно его используют в трёх случаях, девочка. Первый – это когда тебе кого-то надо напугать, или просто заставить делать то, что тебе нужно. Некоторые люди, вроде твоего отца, в таких случаях могут обойтись без пистолета, – он тогда ещё хохотнул как-то странно, кровожадно, что ли, видимо, припомнив какой-то случай, – Второй – когда нужно разрядить обстановку. Если все вокруг на взводе, спорят, а может быть уже и морды друг другу месят, берёшь пистолет, тычешь ствол в небо и жмёшь курок. Обычно все остывают мгновенно. Ну и третий. Это когда тебе придётся в кого-нибудь выстрелить, если первые два метода не сработают. Мой тебе совет, а я знаю, о чём говорю, девочка: если понимаешь, что стрелять нужно наповал, не сомневайся, бей наповал; но если видишь,

что можно обойтись ранением, бей по ногам. Не бери на себя лишнее. Поняла? – и он вручил ей свеженький ТТ, спрятанный в кожаную кобуру тёмно-коричневого цвета.

– Но дед... Магистр заверил меня, что мне не придётся ни в кого стрелять, – возразила она.

На эти слова оружейник только посмеялся, сопя переломанным носом. Сейчас, когда пистолет лежал перед ней, прямо на её столе, она уже не ощущала тревогу, как тогда, в момент вручения. Тревогу сменило чувство защищенности. Всё-таки, с оружием лучше, чем без него. Ей, быть может, и не придётся ни в кого стрелять. Но что если кто-то решит выстрелить в неё? Ксения помотала головой, отгоняя дурные мысли, и вскоре вернулась к своим вещам.

Когда с вещами было покончено, она села за стол и взялась за расческу. Стрелки часов приближались к одиннадцати, а в полночь она должна была быть готова – дед поручил и пообещал отправить за ней человека. Глядя на себя в зеркало, она расчесывала золотистые волосы и с радостью думала о том, что ей больше не придется вытирать полы в Норе, убирать недоеденную еду, мыть посуду дни напролёт и оттирать рвоту с пола. Особенно она была рада последнему. И пусть обычно отец заставлял убирать рвотные массы тех, из кого они вышли, всё же иногда этот кто-то был просто не в состоянии это сделать.

– Пускай наймет себе кого-нибудь другого, я больше рвоту вытирать не буду, – она кивнула своему отражению, – Вот сто процентов ведь мальчишку найдёт какого-нибудь. После меня ему вряд ли захочется иметь дело с девчонкой. Хотя, у нас в деревне много послушных дурочек. Вон, Светка например. Ага. Отец их с мамкой колотит уже который год, а они довольные ходят, терпят, синяками светят.

В тусклом огне свечи ее отражение, на которое она всё это время пристально смотрела, начало расплываться и меняться. Ксении уже казалось, будто оно и правда ей отвечает. Она зажмурила глаза и открыла их снова, но на смену размытому отражению при-

шли цветные пятна. К моменту, когда она наконец проморгалась, тишина, которую она старательно разбавляла разговорами с самой собой, разрослась до невообразимых масштабов. Зазвенело в ушах. Ксения снова почувствовала себя неудобно.

– Ну и пусть ходят, – наконец решила она, – Пусть ходят, и не... – она оборвала разговор на полуслове и прислушалась.

Пусть она и не была до конца уверена, но ей показалось, будто бы до ее ушей донесся размытый шорох. Такой странный и как будто нарушенный, словно сотню раз отразившись эхом от стен катакомб, он из последних усилий дотянулся до ее уха. Она повернулась к двери и замерла. Даже дышать перестала, чтобы точно всё услышать. Что-то снова слышалось. И снова, и снова, и снова, и с каждым разом чуточку громче, чем раньше. По коже побежали мурашки, и теперь Ксения была уверена в причине их появления на все сто. Она была уверена, что это точно не патрульный, который должен был прийти только через час. И шаги сбитые, неровные, неправильные.

Входная дверь была дубовой, и между досками, из которых она была скована, сквозь едва заметные щели, начал проглядывать белый свет, совсем не похожий на свечной. В коридоре горели свечи, и солдаты, патрулирующие катакомбы, носили с собой масляные фонари. Ни у кого из них она не видела электрических фонарей, способных источать такой яркий, белый свет. Кто же это был? В голове замесились мысли, перебивая друг друга, но одна была самой громкой и звучала голосом оружейника: если понимаешь, что стрелять нужно наповал – не сомневайся, бей наповал.

Через секунду свет стал настолько ярким, что сама собой пришла уверенность в том, что его источник вплотную приблизился к двери. Догадки ее подтвердил глухой удар в дверь.

– Если это часовой, он бы постучал и назвался. Это не он. Это точно не он, – она дрожащими руками, не сводя глаз с двери, начала искать рукой кобуру, лежащую на столе.

Снова удар. И ещё один. И каждый сильнее предыдущего.

– Да что ж такое то, – уже вслух прорычала она, наконец ухватив кобурю – осталось только открыть её.

С ужасом для себя Ксения поняла, что она не умеет пользоваться оружием.

Удар!.. И дверь распахнулась. Старый засов, держащий её закрытой, не выдержал и вылетел вместе с гвоздями. В келью ввалилось нечто, похожее на человека. Оно было покрыто облаком белого дыма. Ксения так быстро, как только могла, выдернула пистолет, судорожно перезарядила его так, как видела в кино, и направила на человекоподобное существо.

– Стоять! – еле слышно выдавила она из груди, сжавшейся от страха, и тут же нажала на курок, но ничего не произошло.

Нечто, ворвавшееся к ней, упёрлось руками в пол, переваливаясь со спины на бок, а затем и на живот. Оно медленно поднялось на ноги и выпрямилось в полный рост. Ксения, вжавшись в спинку стула, казалась сама себе крошечной и беззащитной, глядя на него. Но у неё было оружие! Она нащупала предохранитель и щелкнула им. Пока она делала это, нечто смотрело на неё ошарашенным взглядом, и уже было готово кинуться на неё, но за миг до рывка, наконец, раздался выстрел. От оглушительного хлопка у неё едва не остановилось сердце. Отдача была настолько неожиданной, что руки Ксении не удержали оружие. Пистолет упал на пол, глухо стукнувшись об выстланный деревом пол. Существо упало через миг после того, как упал пистолет, свернулось, сжалось и застонало.

– Попала! – пронеслось у неё в голове.

Ксения, наконец выйдя из оцепенения, прыгнула со стула и побежала к двери, чтобы позвать на помощь, но увиденное ввело её в ступор: там, в дверном проеме, сразу напротив, раньше была стена с лампой. Вместо стены, однако, она увидела длинный коридор из белого камня, заполненный плотной белой пылью. Тоннель уходил